

Лучше, когда театр похож на дом, а не наоборот

Общая газ - 1997 - 21-27 авг. - с. 11

Кирилл Лавров и его дочь Мария - актеры, объединенные сценой и разделенные временем

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Последний раз я видела Кирилла Лаврова издали, на премьере «Антигоны» в БДТ. Из мрака директорской ложи Герой Социалистического Труда, «народный» Союз и России, лауреат Госпремий, исполнитель роли Ленина, создатель кинообраза «нашего современника», нынешний художественный руководитель и один из ведущих артистов товстоноговского ансамбля наблюдал, как его дочь в пьесе Жана Ануя бросает вызов миру «взрослых» ценностей, не желая ни в чем к нему приспособляться.

Мария Лаврова ступила на сцену, где ее отец провел сорок с лишним лет, недавно. Ее звезда только начинает восходить. Она родилась в 65-м, в годы расцвета театра Товстоногова и сверхвостребованности Кирилла Лаврова в кино. Увидеть отца можно было лишь между репетиционным залом и буфетом в театре, где Маша (мать также актриса БДТ) провела детство. Как обычно бывает, это все и решило. Поступив в Театральный, когда брежневская эпоха подходила к концу, Маша закончила его на пороге перестройки. Рубеж времен Большой драматический, театр ее отца, ощутил остро.

Кирилл ЛАВРОВ. В 85-м году Горбачев пригласил артистов БДТ во главе с Товстоноговым к себе, в Москву. Два с половиной часа в Кремле он говорил нам о своих идеях. Мы слушали его не дыша: таких глаз, живых, горящих, мы никогда не видели у наших политиков.

Когда встреча окончилась, я вернулся в номер гостиницы и понял, что просто не могу оставаться один, должен немедленно с кем-то поговорить. И я позвонил в номер Товстоногову. Он сразу отозвался: «Заходите, Кира». Открыл мне дверь, голый по пояс, без очков, тяжело сел на кровать и спросил: «Ну? Что вы думаете о Горбачеве, о том, что мы только что слышали?» Наклонился ко мне и пророкотал: «По-тря-са-юще!»

Лицо Лаврова - сколько раз оно спасало БДТ. Он был любимцем, умел разговаривать в тех кабинетах, где у самого Товстоногова ничего не получалось. Потому его посылали вперед в отчаянных случаях, как тот, когда закрыли спектакль о военной деревне «Три мешка сорной пшеницы» и над «главным» нависла угроза быть вышвырнутым из театра, из Ленинграда...

Когда началась перестройка, Кирилл Лавров поддерживал Горбачева с высоких трибун, в печати, везде, где прислушались к его слову. Лавров ленинградскую партийную власть с ее холодным рыбьим взглядом знал в лицо отлично. А власть - знала его.

Мария ЛАВРОВА. В начале восьмидесятых мы были нонконформистами, отрицателями всего и вся - эти воспоминания мне помогли, когда я репетировала с Темуром Чхендзе «Антигону». Потом, в августе 91-го, мы вместе со всеми замирали от страха. А потом пришла... прония. Сейчас у меня нет политических взглядов, единственное, чего хочется, это жить в нормальной стране.

К.Л. Эйфория первых перестроечных лет давно закончилась. Пришлось пережить и это. Вначале мы несказанно обрадовались свободе, отмене цензуры, потом увидели, как все меняется, в том числе и роль театра в обществе. Но даже тогда я не мог представить, что придется жить при таком уродливом капитализме.

М.Л. Изменились - и разительно - суммы актерских заработков. Раньше никто из артистов и думать не мог заработать столько, сколько сейчас можно добыть «чесом» за провинция или участием в рекламе. Не зазорно стало говорить: бесплатно делать ничего не буду или такие деньги меня не устроят. Даже наоборот - престижно. На этом фоне бескорыстная работа ради искусства начинает выглядеть нелепо.

К.Л. Нарушается святое, неизбежное товстоноговское правило. Раньше ни один наш артист не играл в спектакле других театров. Сейчас - сплошь и рядом. Запретить этого я не могу. Но когда актер стремится в Ашхабад сыграть миллион за десять - дома ему в тягость лишний спектакль. Это разрушает театр изнутри.

М.Л. Я не осуждаю ребят, которые за большие деньги выступают в ночных клубах, но мне тоже милее люди, готовые бесплатно участвовать в чем-то, что им безумно интересно.

Хотя мое поколение гораздо больше склонно плыть по течению, чем самостоятельно строить свою судьбу. Может, потому, что мы родились в мире и относительно благополучии, в отличие от папиного поколения, которому пришлось узнать, что такое

война и послевоенные трудности. Но в нас нет и тени того оптимизма и упорства, которые поражают меня в отцовских сверстниках. Чего стоит одна история о том, как отец купил свой первый автомобиль...

К.Л. Мы с женой ели одни рожки, самое дешевое, что было. За год я даже пары носков себе не позволил - жена мне штопала старые. И мы купили первый автомобиль, «Москвич-401», в 54-м году.

М.Л. Этот рассказ у меня в миллионный раз вызывает острую зависть. Зависть к тому, что люди могут так чего-то захотеть, что будут год есть одни рожки... А мой автомобиль был куплен, естественно, с твоей помощью. Машину хотелось, но если бы ее не было, пережили бы. Пап, скажи честно: мы тебя раздражаем?

К.Л. А как может быть по-другому? Счастье еще, что твой театральный курс последний, воспитанный в тех же принципах, в которых воспитывались и мы: Аркадий Кацман, ее педагог, много лет работал с Товстоноговым. Но сегодня я не вижу в молодых артистах той бескорыстной влюбленности в профессию, которая была у нас. Не то чтобы они не хотели играть - они играют всюду: на телевидении, радио, концертах, в клипах, шоу. И - в театре. А для нас ничего, кроме театра, не существовало! Мы все снимались в кино, но театр был главным законом жизни. Теперь - «все враздробь...», как сказано классиком...

М.Л. В свое время ушло поколение первого МХАТа, потом второго - и что же, разве со сцены что-то исчезло? Просто появилось что-то другое. Не стало МХАТа - возник БДТ. Исчезнет БДТ - явится что-то новое.

К.Л. Нет, я не согласен. С уходом этого поколения - Луспекаева, Копеляна, Стрельчикова - мы постепенно теряем актерскую профессию, в высоком смысле слова. Таких виртуозов, каким был Лебедев, я среди нынешних что-то не вижу...

Недавно на Авиньонском фестивале я разговаривал с его бывшим директором Полем Пюо. Он сказал: французский театр кончился. И если вы не защитите ваш репертуарный театр, с вами будет то же самое.

М.Л. Ты все в одну кучу свалил: актерскую профессию, организацию театра. Репертуарный театр сегодня - это ведь чисто организационная вещь.

К.Л. Ну уж нет! Это прежде всего единомыслие, общность!

М.Л. Какая общность? Труппа, формально объединенная набором спектаклей? А что касается профессии - как ты думаешь, что сказал бы Шепкин по поводу актеров Товстоногова? Что сказал бы Станиславский по поводу актеров Любимова? В разные времена важным становится разное, но актерство было, есть и будет существовать, пока есть личность, которая выходит на сцену. С тем, что профессия исчезает, - не соглашусь ни за что!

К.Л. Да не профессия, не ремесло - а филигранное искусство, глубокая, подробная разработка образа. Потому и нужен репертуарный театр, театр-дом, что только так и воспитывается актер, ансамбль - все, что мне лично дорого на русской сцене.

М.Л. Театр-дом и репертуарный театр так же похожи, как Божий дар и яичница. Да и дом - вовсе не должен стоять десятилетиями, он может возникнуть на три-четыре года, если есть талантливый лидер, если люди не ортодоксальны, не прячутся за старые убеждения, как улитки в свои раковины. По-моему, сколько дано человеку жизни - столько он должен быть готов меняться. Зато тебе на рынке сразу помидоры начинают бесплатно накладывать!

К.Л. Накладывают, потому что еще помнят. Я недавно поехал колеса к твоим «Жигулям» менять, меня обступили, продали по себестоимости...

М.Л. Вот он (смеется) единственный плюс - быть дочерью Лаврова! В остальном сплошные проблемы. Периодически проходишь грань нервного срыва, доказывая окружающим и самой себе: все, что у тебя получается, что тебе предлагают играть, - не только потому... От этих мучений я, наверное, не отделаюсь до гробовой доски.

К.Л. До моей.

М.Л. Нет, папочка, до моей! Я всегда буду сомневаться: я - как ты!

...Лавровы сидят за большим старинным столом, объединенные семьей, разделенные временем и опытом. Аня из «Вишневого сада» и доктор Астров из «Дяди Вани». И вздохнув, он произносит реплику последнего действия: «... Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и безвкусно, - те, может быть, найдут средство, как быть счастливыми...»

Марина ТОКАРЕВА

